

Михаил Марусенко, доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербург

ЕВРОПА РЕГИОНОВ

СТРЕМЛЕНИЕ К РЕГИОНАЛИЗАЦИИ И ФЕДЕРАЛИЗАЦИИ РЕАЛИЗУЕТСЯ НЕ В ИНТЕРЕСАХ ЕВРОПЕЙСКИХ НАРОДОВ, ОДНАКО ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО С БОЛЬШОЙ НАСТОЙЧИВОСТЬЮ ПРОВОДИТ ЭТУ ЛИНИЮ ВЕЗДЕ, НО ТОЛЬКО НЕ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ...

Когда новые независимые государства, образовавшиеся в результате распада СССР, выражают стремление к интеграции в единое европейское сообщество, имплицитно предполагается, что со стороны ЕС к ним будут применяться общие для всех государств-членов требования и критерии оценки их деятельности. Однако евроатлантическое сообщество предпочитает руководствоваться в отношении их деятельности двойными стандартами, если только они способствуют

разжиганию русофобии и ухудшению отношений с Российской Федерацией.

Характерным примером таких двойных стандартов является позиция США и Евросоюза по отношению к этноязыковым конфликтам, в более или менее острой форме длящимся на постсоветском пространстве вот уже третье десятилетие.

Еще до распада СССР практически во всех союзных республиках были приняты законы о языке, объявившие языки титульных наций этих республик государственными и существенно понизившие статус русского языка, бывшего тогда в СССР языком межнационального общения.

На этой почве во всех республиках возникли конфликты между представителями титульных наций и русскоязычным населением, которое состоит не только из русских, но включает и многочисленных представителей других этнических групп, прежде всего славян (украинцев и белорусов), евреев, немцев и т. д., а также представителей этнических меньшинств, являющихся коренными жителями данной республики, но не принадлежащих к титульной нации. Политики и общественное мнение до сих пор квалифицируют эти конфликты как языковые, хотя их истинная природа лежит гораздо глубже: язык является в них только поводом, а не причиной.

Настоящей причиной возникновения этих конфликтов является происходящий в постсоветских государствах процесс нациообразования, поскольку в силу исторических и политических условий в советский период в них, кроме, пожалуй, Грузии и Армении, не были сформированы полноценные современные нации. Националистические движения, пришедшие к власти в этих странах, стремятся к строительству этнических наций, состоящих из представителей одного титульного этноса, а другие этнические группы сведены до положения национальных меньшинств, обладающих урезанными правами, в том числе и языковыми. Таким образом, на самом деле, эти конфликты являются этноязыковыми, субъектами противостояния в которых являются титульные нации, с одной стороны, и русскоязычные ирреденты или диаспоры, с другой (Разница между *ирредентой* и *диаспорой* заключается в том, что первая компактно сконцентрирована у границы с государством, в котором их общий этнос является титульным, и выражает стремление к выделению из полиэтнического государства и объединению (ирредентизму) со своим этносом. Вторая территориально изолирована и не имеет сепаратистских устремлений.).

Такая ситуация характерна для большинства государств-членов ЕС и в прошлом служила поводом для многочисленных европейских войн, например, между Францией и Германией. Поскольку первоначальным поводом для образования ЕС было желание изменить ситуацию и гарантировать мир на европейском континенте, Евросоюз выработал идеологию и создал институциональные структуры, позволяющие управлять этими конфликтами и не допускать их переход в острую фазу.

Один из идеологов европейского единства Жан Моне еще в 1950-е гг. выдвинул идею «Европы автономных регионов», основанной на принципе субсидиарности. Уже тогда было ясно, что усиление регионов в условиях появления общеевропейских структур означало бы разрушение национальных государств.

В ответ на эту концепцию генерал Ш. де Голль выдвинул свою идею «Европы отечеств», которая предполагала объединение на базе сильных национальных государств. Его концепция в середине XX в. нашла большую поддержку у политических элит и надолго определила направление европейской интеграции. Однако европейская бюрократия и представители региональных элит в середине 1980-х гг. вновь вернулись к идее Европы регионов [1, с. 31].

Начало процесса этнизации Европы было положено вступлением в силу «Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств» (1 февраля 1998 г.) [2] и «Европейской хартии региональных или миноритарных языков» (1 марта 1998 г.) [3], предоставившим этническим группам возможность самоутверждения.

Разработкой и лоббированием этих документов занималась одна и та же организация — Федералистский союз европейских национальных меньшинств (ФСЕНМ), штаб-квартира которого находится в г. Фленсбург (ФРГ). Финансирование этой организации осуществляется Министерством внутренних дел ФРГ, правительством федеральной земли Шлезвиг-Гольштейн, а также Фондом Германа Ниерманна из Дюссельдорфа. Задачей ФСЕНМ является поддержка развития этнических групп, которым должны предоставляться права в политической, образовательной административной и др. сферах. В 1992 г. была закончена работа над программой ФСЕНМ, опубликованной в 1995 г. [4]. Сотрудниками организации являются немецкие и австрийские юристы, работающие при поддержке МИД Австрии и МВД Германии. ФСЕНМ разработал юридическую базу, на основе которой были составлены упомянутые выше документы.

Докладчиком в Совете Европы при принятии Хартии был немецкий адвокат Г. Кон, член юридического комитета ФСЕНМ. Хартия способствует использованию региональных языков в сферах образования, правосудия, СМИ, а также призывает к облегчению приграничных обменов. Следует обратить особое внимание на пункт *b* ст. 7 (... уважение географического района каждого регионального языка или языка меньшинства для обеспечения того, чтобы существующее или новое административное деление не создавало препятствий развитию данного регионального языка или языка меньшинства) и пункт *b* ст. 14 (... в интересах региональных языков или языков меньшинств содействовать и/или развивать приграничное сотрудничество, в частности, между региональными или местными властями, на территории которых тот же язык используется в идентичной или схожей форме), которые практически отменяют национальные границы.

Вдохновившись идеями, содержащимися в программе ФСЕНМ, высокопоставленный чиновник немецкого МВД Р. Госсманн заложил их в текст «Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств», которая дает официальное признание всем этническим группам, существующим на территории ЕС.

Этот разработанный в Германии документ в современном изложении воспроизводит идеологию пангерманизма, возникшую в XIX в. — освободить этнический субстрат от его государственной оболочки, а затем приступить к осуществлению новых комбинаций [5]. В п. 1 ст. 17 содержатся положения, которые определяют отношения государств к меньшинствам и могут поставить под вопрос нынешние контуры границ между европейскими государствами: «Стороны обязуются не препятствовать осуществлению прав лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, устанавливать и поддерживать свободные и мирные контакты через границы с лицами, на законных основаниях находящимися на территории других государств, в частности с лицами, с которыми они имеют общую этническую, культурную, языковую и религиозную самобытность или общее культурное наследие».

Процесс этнизации Европы нашел свое выражение в «Хартии Европейского союза об основных правах» [6], подписанной главами правительств во время саммита в Ницце в 2000 г. и вступившей в силу в октябре 2002 г. В ст. 21 и 22 этого документа говорится о недопустимости дискриминации по любым признакам, включая этнический

и об уважении культурного, религиозного и языкового разнообразия. Это официальное признание этничности может иметь практические последствия, если для этого будут созданы соответствующие политические условия, главным из которых является федерализация.

Значение принципа федерализации для деятельности европейских учреждений основано на трех документах, которые также имеют смешанное немецко-европейское происхождение. Это «Европейская хартия местного самоуправления» (1985) [7], «Европейская рамочная конвенция о приграничном сотрудничестве территориальных сообществ и властей» (1980) [8] и «Европейская хартия региональной автономии» (1996) [9].

Хартия местного самоуправления была принята на основе объемного отчета, озаглавленного «Региональные организации в Европе» и доклада немецкого юриста А. Галетта. В документе говорится о том, что местное самоуправление должно распространяться на все сферы: политическую, административную, финансовую и т. д., но главным является то, что этнические группы, действуя через свои органы местного самоуправления, имеют право устанавливать собственные территориальные границы и сами определять свои административные структуры (ст. 5), а также сотрудничать с подобными органами других государств (ст. 10).

Эти положения были развиты и усилены в «Европейской хартии региональной автономии», докладчиком по которой выступил немецкий депутат-социалист П. Рабе. В тексте резолюции о принятии хартии утверждается, что регион является самым адекватным уровнем власти, позволяющем гражданам реализовать свое право на участие в государственном управлении (ст. 5, 6), а межрегиональное сотрудничество является ценным и необходимым вкладом в строительство единой Европы (ст. 11). В ст. 13 европейские учреждения обязуются учитывать существование регионов внутри государств-членов при выработке и осуществлении европейской политики, а также способствовать участию регионов в принятии решений в масштабе ЕС через участие в работе Конгресса местных и региональных властей Европы (его Палаты регионов) и Комитета регионов Европейского союза. При этом признание регионов не должно наносить ущерб их лояльности по отношению к своим государствам или оспаривать суверенитет и территориальную целостность последних (ст. 13, 14).

В тексте самой Хартии (п. 1 ст. 5) выражается пожелание, чтобы выполнение на региональном уровне задач, относящихся к компетенции государства, поручалось региональным органам. При осуществлении приграничного сотрудничества регионы имеют право создавать совместные совещательные или исполнительные органы (ст. 10), а также представительства в других регионах или при международных организациях, в частности, европейских, для защиты своих интересов (ст. 11).

Очень интересным является содержание п. 2 ст. 13: «Регионы имеют право, при проведении их государством переговоров о заключении международного договора или принятии любого другого документа в рамках европейской организации, могущего непосредственно затронуть их компетенцию или их жизненные интересы, проводить консультации со своим национальным правительством... Национальные правительства могут приобщать регионы к переговорному процессу, включая представителей регионов в национальные делегации». Ст. 30 предусматривает возможность присоединения к Хартии любого европейского государства, даже не являющегося членом ЕС.

Цель у этого документа та же, что и у предыдущего — создать систему регионов-государств, которые могут иметь надгосударственные полномочия вступать в прямой контакт с европейскими инстанциями. Повышение политических полномочий регионов происходит параллельно с внедрением этноязыковой идеологии. В «Хартии региональной автономии» говорится, что регионы обязаны соблюдать права меньшинств, находящихся на их территории. Таким образом, ведущим принципом европейской национальной политики становится этнорегионализм.

Руководство ЕС считает, что регионализация поможет создать более демократическую и гибкую систему управления, исключив из нее лишнее, промежуточное звено — национальное государство. Контакты регионов непосредственно с органами ЕС стыдливо называются эвфемизмом парадипломатия. Пионером региональной парадипломатии стал Бирмингем, открывший в 1984 г. свое представительство в Брюсселе. В 1985 г. при ЕС появились представительства федеральных земель Германии, а затем их примеру последовали другие британские, а также французские регионы. Одними из первых, кто открыл свои представительства в Брюсселе, были регионы, претендующие на отделение от своих государств: Каталония, Страна Басков, Уэльс, Шотландия и Северная Ирландия. К 2000 г. при ЕС работали представительства 32 британских, 24 французских, 21 германского, 18 итальянских, 12 австрийских, 12 датских, 9 голландских, 10 шведских и 7 финских регионов. Были открыты представительства регионов даже из тех стран, которые еще только ожидали приема в ЕС. Представительства крупных и богатых регионов представляют своего рода миссии, где работают специалисты по каждой конкретной области, например, региональное посольство Каталонии [10]. В задачи этих представительств входит не только выработка политического курса и лоббирование региональных интересов, но и осуществление горизонтальных контактов с другими региональными посольствами. На сегодняшний день при ЕС функционируют более 300 региональных представительств.

Начавшийся процесс ослабления национальных государств еще более усилился с принятием «Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств» [2], которая еще называется «Мадридской Хартией». Ее продвижением занималась номинально общеевропейская организация, за фасадом которой скрывалась укомплектованная немецкими чиновниками Ассоциация европейских приграничных регионов (Association of European Border Regions, AEBR) со штаб-квартирой в Гронау (Земля Северный Рейн–Вестфалия). Конечной целью этой организации является превращение государственных границ в административные при помощи еврорегионов: «целью работы, проводимой внутри приграничных регионов и задач трансграничного сотрудничества является уничтожение барьеров и факторов раскола этих регионов, а также преодоление границ или, по крайней мере, понижение их значения до простых административных границ» [11, с. 5].

Эти еврорегионы, расположенные по обе стороны границы, действуют как кислота, разъедающая государственную границу, и делают возможными любые изменения границ и территориальные изменения (Подробная карта приграничных еврорегионов размещена на сайте <http://www.diploweb.com/cartes/regionsarfe.pdf>). Это играет на руку националистическим сепаратистским движениям, например, баскам и каталонцам, которые мечтают об объединении французской и испанской частей.

Ослабление национальных границ внутри ЕС имеет двойные последствия. Во-первых, признание приоритетности этноязыкового фактора органами ЕС, вплоть до включения в Конституцию ЕС, привело к тому, что этнические группы больше не должны страдать из-за разделения их нерушимой национальной границей. Поэтому деятельность Ассоциации европейских приграничных регионов пользуется широкой поддержкой этнических меньшинств европейских государств. Во-вторых, при создании единого экономического пространства ликвидация пограничных барьеров позволяет развивать экономические и транспортные связи между государствами-членами ЕС.

Одним из последствий регионализации и усиления значения регионов, которым передается политическая власть, является появление на политической сцене президентов регионов, власть которых сравнима с властью губернаторов американских штатов и которые имеют дело больше с наднациональными властями ЕС, чем с национальными властями тех государств, на чьей территории они расположены [12].

Прозрачность национальных границ привела к тому, что мобильность капитала, трудовых ресурсов, товаров и культурных ценностей вышли из-под контроля государств. Все сложнее становится регулировать деятельность транснациональных корпораций, чье могущество нередко превышает возможности правительств тех стран, на чьей территории они ведут свою деятельность. Международные экономические, торговые и финансовые организации стремятся к прямому и бесконтрольному контакту с потребителями. Затрудняется борьба с организованной преступностью, наркоторговлей и терроризмом [13].

К этому всему добавилось еще и создание «Европейского гражданского кодекса», которое велось под руководством немецкого юриста К. фон Бара, который с поразительной откровенностью заявил на лекции в Кассационном суде Парижа, что «Карл Великий напоминает нам, что Европа старше, чем составляющие ее государства. Наше сообщество накроев всю Европу». Таким образом, целью европейского строительства является возврат к границам империи каролингов [5].

Под эту политическую идею в Европе была создана особая паневропейская правоцентристская политическая партия — Европейская народная партия — Европейский свободный альянс (EPP — EFA), которая в 1997 г. под эгидой Европарламента опубликовала карту этнической Европы, странным образом похожую на карту европейских регионов, изданную для войск СС. На этой карте такие страны, как, например, Франция и Великобритания, раздроблены на различные этнотерриториальные образования. В выигрыше от этой этнической перекройки Европы оказалось только немецкое этноязыковое образование, в которое вошли, помимо Германии, также Австрия, немецкая Швейцария, Эльзас, Мецкий край, Люксембург и немецкоязычные кантоны Бельгии. Создание еврорегионов фактически позволило ФРГ втянуть в сферу своего влияния те территории, которыми Германия владела или на которые претендовала до Второй мировой войны. Результатом интенсивной экономической интеграции становится фактическое сращивание регионов двух стран, ведущее к их отчуждению от территорий собственных государств, сопровождаемое созданием юридических, административных и налоговых структур [14, с. 103].

Этот немецкоязычный еврорегион, с населением более 90 млн человек и экономически самый мощный в Европе, является сильным центром притяжения, и все окружающие территории попадают в зависимость от него (рис. 2). Это равносильно возрождению Священной Римской империи германской нации, но в новых политических условиях. С этой целью МВД Германии поддерживает добрую сотню автономистских движений в разных европейских государствах, включая новых членов. В одной только Франции оно оказывает поддержку бретонскому, эльзасскому, фламандскому и савойскому националистическим движениям.

Поддержка Европейским союзом национальных меньшинств и региональных диалектов вызывает неоднозначную реакцию в разных государствах-членах ЕС. Так, в мае 2008 г. Национальная Ассамблея Франции приняла поправку к первой статье Конституции, объявляющую региональные диалекты национальным достоянием. Французская Академия выступила с протестом и потребовала убрать эту поправку, поскольку такая формулировка несет угрозу национальной идентичности и республиканскому строю. Академики отметили, что упоминание региональных диалектов в ст. 1 теперь предшествует упоминанию о французском языке, о котором говорится в ст. 2: «Языком Республики является французский». Они считают, что «ставить региональные языки перед языком Республики отрицает всякую логику, наносит оскорбление Республике и размывает основные принципы, формирующие Nation» [15].

На рис. 2 видно, что еврорегионы, расположенные на германо-польской и германо-чешской границах частично заходят на территории, принадлежавшие Германии до 1945 г. На территории Чехии еврорегионы занимают территорию бывших поселений судетских немцев, высланных оттуда по приказу президента Э. Бенеша в 1945–1946 годах.

Германии на протяжении веков было свойственно стремление колонизовать территории восточноевропейских государств. Результатом этой политики является существование многочисленных немецких меньшинств на территории Центральной и Восточной Европы, включая РФ и страны СНГ. Эти меньшинства, получающие финансовую поддержку Германии, сегодня являются опорными точками немецкого влияния на евразийском континенте.

Германия, которая сегодня является наиболее мощной экономической и наиболее населенной страной Европы, продолжает континентальную политику, которую она проводила со времени ее собирания в 1848–1871 гг. до объединения двух Германий в 1990 г. — Drang nach Osten, которая предполагала колонизацию немецким населением всей Центральной и Восточной Европы. На протяжении всей своей истории Германия старалась сделать так, чтобы представители немецкой диаспоры могли сохранять связь с родиной-матерью в рамках государств своего проживания. Падение Берлинской стены и объединение Германии дали возможность продолжать свою политику по конструированию региональных и этнических меньшинств поперек границ национальных государств [16].

По мнению известного французского этнолога Э. Тодда, современная Германия — это крупный, но не самый успешный национальный проект, потому что в ней слишком остро стоит вопрос рождаемости. Этим, в частности, объясняется позиция Германии по конфликту на Украине: чем теснее Украина будет сотрудничать с Западом, тем большее число специалистов и выпускников вузов покинут ее. Украинцы удовлетворяют потребности германской экономики в квалифицированной рабочей силе, а также ее демографические потребности [17].

Рост мощи Германии разбил иллюзию, что интеграционный локомотив «Берлин–Париж» дальше будет определять развитие Европы. Евросоюз не превратился в союз свободных и равных наций, как его основатели обещали европейским народам. Напротив, он принял форму иерархической структуры под руководством Германии, которая является самой мощной экономикой ЕС. Сегодня Европа полностью контролируется Германией. Хотя у Евросоюза нет своей армии, у нее есть руководитель — Германия. Колебания Германии между разумным подходом и мегаломанией уже привели к Первой мировой войне. И сегодня в немецкой политике наблюдается тот же дуализм. Германия все больше переходит в политике силы, завуалированной экспансии. Реальность Германии после объединения — это раскачивание непрочных государственных структур в Европе [18].

Результаты такой политики уже налицо: крушение бывшей Югославии, распад Чехословакии, возможное разделение Бельгии, разрушение Испании через центробежные тенденции регионов. Теперь наступила очередь Украины. В перспективе это может привести к сецессии периферийных районов Франции, отделения «Лиги Севера» в Италии, независимости кельтских регионов Великобритании и т. д.

После провозглашения независимости Косова началась подлинная балканизация европейского континента. Этот процесс был желателен для Германии и европейских институтов, а также ООН, которая последовательно защищает языковые, этнические и религиозные меньшинства во всем мире. Его результатом станет рефеодализация Европы, когда единое европейское федеративное государство, как раньше Священная Римская империя германской нации, превратится в сюзерена для многочисленных региональных, языковых, этнических и религиозных сообществ.

Если для большинства европейцев Украина не представляет особого интереса, то Германия со времен своего объединения подмяла под себя практически все постсоветское пространство и использует его в своих экономических интересах. Имея серьезные демографические проблемы и низкий уровень рождаемости, она очень нуждается в дешевой и квалифицированной рабочей силе и рассчитывает заполучить, скажем, две трети рабочих рук Украины [18].

Не случайно А. Меркель была единственной из глав государств—членов ЕС, посетившей Киев по случаю национального праздника Украины.

Россию также пытаются вовлечь в процесс трансграничного сотрудничества. В 2003 г. Конгресс местных и региональных органов власти провел в Казани конференцию, на которой констатировал, что Россия полностью интегрировалась в европейское демократическое сообщество, а потому на средства ЕС в ней реализуется 6 проектов на северо-западе России: в Калининградской, Ленинградской, Архангельской, Мурманской областях, в Санкт-Петербурге и Республике Карелия. Далее планируется распространить программы ЕС на причерноморские регионы, в частности, Адыгею, Ростовскую область и Краснодарский край [14, с. 106].

Как отмечает О. Четверикова, процесс распада Европы на этнорегионы будет продолжаться, провоцируя нестабильность, локальные конфликты, а в определенных случаях — состояние хаоса. Главным взрывоопасным районом Европы являются Балканы, где на протяжении десятилетий применялись методы раскола, основанные на разжигании этно-религиозных противоречий. В Западной Европе для этого используются культурно-языковые различия. Сегодня за широкую культурно-языковую автономию борются Страна Басков, Каталония, Фландрия, Южный Тироль, Шотландия, Северная Ирландия и Корсика [14, с. 64].

Появление европейского коммунитаризма связано не только с политикой Германии, но и с влиянием внешней силы — англосаксонского мира. Европейская политика имеет реальную ось, которая включает в себя Берлин, Лондон и Вашингтон.

После заключения американо-германского союза в 2004 г. усилилась связь объединенной Европы с северо-американским блоком, закрепленная в «Соглашении о партнерстве в вопросах безопасности и благосостояния», заключенном в 2005 г. Это соглашение предусматривало создание Трансатлантического союза, в котором Соединенное королевство должно играть роль связующего звена [16].

На сегодняшний день большинство еврорегионов не покушаются на суверенитет и территориальную целостность своих государств. Но по мере укрепления их экономических связей они включатся в борьбу за политическую власть между государствами-членами и брюссельской бюрократией, разумеется, на стороне последней. Национальные государства, в лучшем случае, смогут сохранить лишь свое право участвовать в решении вопросов обороны и внешней политики. В результате Европа будет состоять из множества регионов и одного супергосударства — Евросоюза, не контролируемого обществом. Это и есть цель американцев, сформулированная Д. Рокфеллером еще в 1991 г.: «Наднациональный суверенитет интеллектуальной элиты и банкиров, безусловно, предпочтительнее принципа самоопределения народов». А в 1999 г. он уточнил: «Что-то должно заменить правительства, и мне кажется, что наиболее подходящей для этого является частная власть» [19].

Нынешняя политика Германии является продолжением политики саксонской династии Оттонов, королей Восточно-Франкского королевства и императоров Священной Римской империи, династии немецких королей и императоров Гогенштауфенов, русско-прусской войны 1848 г., рейхсканцлера Веймарской Республики Г. Штретземана и, как ни прискорбно это констатировать, нацистской Германии. Политика остается, меняются только политические и юридические средства ее реализации. Сегодня она осуществляется через ООН, ОБСЕ, Совет Европы и его органы, а также многочисленные НКО [20].

Продолжая свою политику федерализации в ее этнокультурном варианте, Германия принимает меры к тому, чтобы все немецкие меньшинства, а также любые другие меньшинства в европейских государствах могли навязывать им свои требования. Этот всплеск этничности, о котором мечтали немецкие мыслители XIX в., обязательно приведет к изменению государственных

границ. Таким образом, Евросоюз разрушает рамки национальных государств через создание целого ряда трансграничных регионов и навязывает всей Европе, от Пиренеев до Польши и стран Балтии, немецкую федеративную модель государства.

Результаты исследования показали, что на развитие современной Европы оказывают влияние два вектора: первый — рост миграции населения во всей Европе и в ЕС, в частности, а второй — расширение ЕС. Оба эти процесса предоставляют большие перспективы для европейского общества, но одновременно они порождают большую социальную и политическую напряженность. Главным источником напряженности является конфликт между национальным и транснациональным, с одной стороны, и между старыми и новыми членами (на самом деле, между западом и востоком), с другой.

Во время как миграции людей, идеологические и культурные практики преодолевают национальные границы и меняют концепции социального развития, ранее жестко определяемые национальными традициями, национальные правительства Германии и Австрии ужесточают свою политику в области иммиграции, национальной политики и предоставления гражданства. Эта политика оправдывается особыми обстоятельствами, обусловленными разными историческими причинами, но ключевым фактором всегда является язык. Ситуация в Германии обостряется тем, что в ней существует категория населения, именуемая «иностранцы в третьем поколении» (*Ausländer in der dritten Generation*). К ней относятся иммигранты и их дети, которые не могут получить гражданство страны, в которой они живут или родились. Демонстративное нежелание некоторых иммигрантских групп изучать немецкий язык стало центральной темой дебатов о двойном гражданстве, которые ведутся в Германии с 1999 г. Предлагая разные решения, все авторы, тем не менее, признают наличие связей между национальной идентичностью и языком, между национальной идентичностью и гражданством, между гражданством и языком [21, с. 260].

Складывается парадоксальная ситуация: несмотря на многочисленные заверения о крахе языкового национализма, правительства этих стран постоянно говорят о национальном языке и о значении владения национальным языком для формирования национальной идентичности. Владение этим языком или даже желание изучать его объявляются главным критерием гражданской ответственности и условием сохранения монолитных национальных культурных традиций [22].

Вступление в ЕС восточноевропейских государств обострило конкуренцию за новые рынки, возникшую еще в 1989 г., но особенно обострившуюся после расширения ЕС в 2004 г. Германия и Австрия имеют хорошие перспективы на этих рынках не только благодаря их географическому положению, но и потому, что статус немецкого языка как *lingua franca* Центральной и Восточной Европы имеет глубокие исторические корни и поддерживается немецкоязычными меньшинствами. Во времена Австро-Венгерской империи даже существовала поговорка: «Восток начинается за Ландштрассе». Ландштрассе, улица на южной окраине Вены, была границей, за которой начинались земли венгров и южных славян. С тех пор Вена воспринимается как этническая, языковая и культурная граница между германозависимой Центральной Европой и остальным Востоком.

Немецкое влияние в этой новой части объединенной Европы все в большей степени составляет конкуренцию доминированию глобального английского [24].

После объединения Германии в стране произошла активизация национального самосознания. Правительство культивирует чувство национальной идентичности, значительно подорванное в послевоенные годы из-за денационализации и разделения страны на два государства с разными режимами. Многие немцы не считают себя немцами, а скорее европейцами или гражданами того региона, в котором они проживают. Регионализм исторически свойственен политической культуре Германии, несколько веков существовавшей в форме отдельных княжеств. Федеральные земли и сегодня

БОЛЬШАЯ ШАХМАТНАЯ ДОСКА

являются активнейшими игроками немецкой внешней и внутренней политики. Национальная идентичность в современной Германии часто сводится к региональной идентичности [24].

В 2002 г. Ассоциация европейских приграничных регионов составила полностью регионализованную карту Европы, на которой произведена фрагментация не только территории центральноевропейских и восточноевропейских государств, но и России, вплоть до Владивостока.

Лоббируемый Германией проект Европы регионов выгоден также и США. Дело в том, что в результате распада СССР изменился характер партнерства США и ЕС. После окончания Второй мировой войны США содействовали созданию сильной Европы, нуждаясь в союзнике, способном противостоять СССР. После 1991 г., полагая, что Россия уже не является и никогда больше не будет самостоятельным игроком в мировой политике, США рассматривают Евросоюз главным образом как сферу своих экономических интересов. Создавая единое экономическое пространство с ЕС, в котором они будут старшим партнером, США рассматривают наличие национальных границ внутри ЕС как помеху своим целям. Поэтому они заинтересованы в создании регионов, имеющих дело непосредственно с Брюсселем и всеми англосаксонскими лобби, в обход национальных правительств.

Брюссельские власти поощряют регионализацию с целью ослабить государства-члены, создать блок из множества регионов, подчиняющихся только его власти. Конечной целью этих изменений является создание трансатлантического рынка, договаривающимися сторонами при создании которого будут только администрация США и Еврокомиссия. Евробюрократы совершают все это в интересах крупного финансового капитала и мультинациональных монополий.

Поэтому, если прежде граждане Европы желали быстрого достижения европейского единства, то

сегодня к этому стремится в основном евробюрократия. Большинство европейцев относится к ЕС с цинизмом и враждебностью. Рост евроскептицизма сопровождается распространением националистических и партикуляристских настроений. Странники этих движений видят будущее Европы не как федерации европейских государств, а как совокупности еврорегионов, которые евробюрократы могут признать в качестве самостоятельных субъектов интеграции [13, с. 156].

Стремление к регионализации и федерализации реализуется не в интересах европейских народов, однако европейское правительство с большой настойчивостью проводит эту линию везде, но только не на постсоветском пространстве.

До перевода украинского конфликта в острую фазу Евросоюз весьма благосклонно относился к созданию и развитию на постсоветском пространстве еврорегионов, в том числе, и российско-украинских. Так, членами Ассоциации европейских приграничных регионов являются, например, еврорегион «Донбасс» (Донецкая и Луганская области Украины и Ростовская и Воронежская области РФ), еврорегион «Слобожанщина» (Харьковская область Украины и Белгородская область РФ), еврорегион «Днепр» (Черниговская область Украины и Брянская область РФ), внутри которых, согласно европейскому законодательству, могут устанавливаться прямые государственно-договорные отношения.

Там, где существуют этноязыковые конфликты между этническим большинством и русскоязычным меньшинством, ЕС под любыми предлогами поддерживает требования националистических партий сохранить унитарную модель государственного устройства и не признавать гражданские и языковые права русскоязычного меньшинства. Хотя требование простого исполнения соискателями членства в Евросоюзе обязательных для его членов законов и правил поведения позволило бы перевести эти острые этноязыковые конфликты в фазу мирного институционального сотрудничества. ▲

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Попов А. А. Концепция «Европы регионов» как фактор национальной дестабилизации (к вопросу о специфике регионального сепаратизма в Польше в 1990-е гг.) // Вестник Юргу, 2011, № 30(247), сс. 31-34.
2. Рамочная конвенция о защите национальных меньшинств // URL: <http://conventions.coe.int/treaty/rus/treaties/html/157.htm>.
3. Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств // URL: <http://www.terralegis.org/terra/act/e474.html>.
4. Ermacora F., Pan. C. Volksgruppenschutz in Europa = Protection of Ethnic Groups in Europe = Protection Des Groupes Ethniques en Europe = Tutela Dei Gruppi Etnici in Europa. Wien, Braumüller, 1995. 367 p.
5. Hillard P. La Grande Europe ou le grand basculement ? // URL: <http://www.diploweb.com/p5hillard1.htm>.
6. Хартия Европейского союза об основных правах // URL: <http://eulaw.ru/treaties/charter>.
7. Европейская хартия местного самоуправления // URL: http://www.glazychev.ru/bibliography/eu_khartia_mestn_samuuprav.htm.
8. Европейская рамочная конвенция о приграничном сотрудничестве территориальных сообществ и властей // URL: <http://conventions.coe.int/Treaty/Commun/QueVoulezVous.asp?CL=RUS&NT=106>.
9. Résolution 37 (1996) sur la Charte européenne de l'autonomie régionale // URL: <https://wcd.coe.int/ViewDoc.jsp?id=828623&Site=COE>.
10. Зонва Т. Парадипломатия европейских регионов // URL: <http://www.alleuropa.ru/paradiplomatiya-evropeyskich-regionov>.
11. Charte européenne des régions frontalières et transfrontalières. Gronau: Editions ARFE, 1995.
12. Hillard P. La régionalisation et l'aménagement du territoire en Europe : une révolution politique en faveur d'un partenariat transatlantique ? // URL: <http://www.diploweb.com/forum/hillard2.htm>.
13. Зонва Т. В. От Европы государств к Европе регионов ? // Полис, 1999, № 5, сс. 155-164.
14. Четверикова О. Стратегия «балканизации Европы». Регионы и этноменьшинства в планах европейского строительства // URL: <http://www.mgimo.ru/files/31557/31557.pdf>.
15. Французская Академия увидела в диалектах угрозу национальной идентичности // URL: <http://lenta.ru/news/2008/06/17/language/>.
16. Илляр П. Меньшинства и «регионализмы» в Европе регионов: немецкий план по низвержению Европы // URL: <http://www.apn.ru/publications/article21896.htm>.
17. Эммануэль Тодд: «ЕС найдет свою смерть в степях Украины» // URL: <http://russian.rt.com/inotv/2014-05-29/Emmanuel-Todd--ES-najdet>.
18. Прокофьев В. Западные либералы должны рукоплескать русским. Геополитика глазами французского ученого-антрополога и историка Эммануэля Тодда // URL: <http://www.rg.ru/2014/10/12/kurs-poln.html>.
19. Миловзоров А. Европа превращается в сепаратистский рай // URL: <http://www.utro.ru/articles/2008/03/13/723052.shtml>.
20. Verluise P. "Minorités et régionalismes dans l'Europe Fédérale des Régions. Enquête sur le plan Allemand qui va bouleverser l'Europe", par Pierre Hillard // URL: <http://www.diploweb.com/ue/hillard.htm>.
21. Piller I. Naturalization language testing and its basis in ideologies of national identity and citizenship // The International Journal of Bilingualism, 2001, Vol. 5, № 3, pp. 259-277.
22. Stevenson P., Carl J., Shanze L. The German Language and the Future of Europe: Ideologies, Policies and Practices // URL: <http://www.glipp.soton.ac.uk/>.
23. Grin F. Language Policy Evaluation and the European Charter on Regional or Minority Languages. Palgrave Macmillan, 2003. 272 p.
24. Тюкаркина О. М. Немецкий вопрос и проблема формирования немецкой национальной идентичности // URL: <http://mir-politika.ru/2594-nemeckiy-vopros-i-problema-formirovaniya-nemeckoy-nacionalnoy-identichnosti.html>